

распада
расплата
РАСПАДА
распада
спасада
ранская
распа
д
партапарат
РАСПА
распада
адапсарьраспада
распутин
ТОПТА
ТОПТАДА
спасада
АС

Андрей Вознесенский. Фото Евгения Халдея

15 марта 1989 года Барнаул посетил Андрей Андреевич Вознесенский. Весь город собрался в ДК моторостроителей, на самой большой концертной площадке. Нас было больше тысячи, и мест не хватало

текст **Наталья Николенкова**

Повторить тот поэтический барнаульский ажиотаж 1989 года, конечно, уже невозможно, хоть сам Бродский оживи. Я уже не говорю о гастрольном чёсе десятков современных эстрадных поэтов и поэток, худо-бедно собирающих по стране клубы и ко всеобщему удовольствию общающихся на поэтических состязаниях-слэмах. Вознесенский попал в Барнаул (читай: Шамбалу, Беловодье, рериховские места, духовные Гималаи, для москвичей это почти неразличимо) в самую точку.

За кулисами ДК моторостроителей сию минуту сбывалась вековая мечта известного барнаульского скульптора Александра Маркина: он стоял в настоящем древнегреческом холщовом хитоне, босой, и практически в состоянии катарсиса лепил с натуры своего кумира. А.А., надо сказать, был впечатлен. Потом скульптурная голова поэта была переведена в воск. К сожалению, дальнейшая ее судьба мне неизвестна.

Барнаульский авангард,
В вас — духовный предугад.

Лапой мирового духа
Благослови меня, Белуха.

Провели мэтра и по «сталинским» барнаульским местам — к арке на Льва Толстого, 23. Это тоже вошло в стихи, и даже графически, в виде арки.

Но нам, желторотой молодежи, было, конечно, интереснее всего другое. Прикоснуться. В кой-то веки. В старом и тесном Союзе писателей на Строителей расселись кружком

да стали читать ладком по кругу. На столе, ребята-демократы, только чай да брусника, собственноручно собранная в ленточных борях Наташей Николенко (хотя пытался охальник Токмаков в своих поздних апокрифах и рюмку для храбрости приплести, и некое журчание в туалетной кабинке...). Иногда усталый поэт задремывал. Будили, наглые неофиты.

Неизменный светлый пиджак. Неизменный шейный платок. Еще румяное светлое лицо. До боли знакомый жест с откинутой рукой. Подбородок, словно максимально тянувшийся к слушателю.

По образованию А.А. — архитектор, то есть изначально визуал.

Я сыт поляной, где качаются
По тёмным щавельным волнам
Ромашки, как крутые яйца,
Разрезанные пополам.

Или:

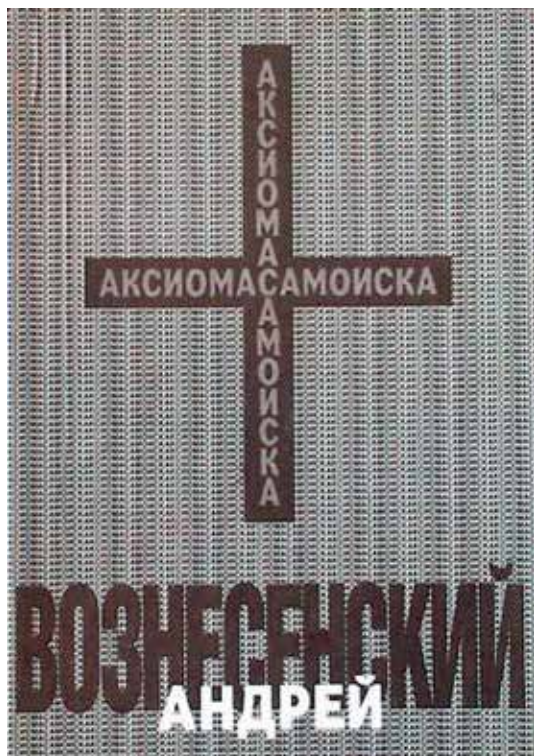
Париж. Друзья. Сомкнулись стены.
А за окном летят в веках
мотоциклисты
в белых шлемах,
как дьяволы в ночных горшках.

Оттого и попали в поле его зрения, прежде всего, наиболее живописные барнаульские персонажи. И в поэтическую «Барнаульскую буллу».

15 марта
Меня выбрали в Папы российского авангарда.

Первый ряд: человек в шапке (неизвестен),
 Андрей Вознесенский (в центре), Ирина Цхай.
 Второй ряд: Олег Сорокин, Александр Брехов, Наталья Николенко

Наталья Николенкова, Андрей Вознесенский,
 Виолетта Метелица, Александр Лапин

Почему в Барнауле?
 А то б пырнули.

(Существовало тогда в Барнауле поэтическое объединение ЭРА — эпоха барнаульского авангарда, наш ответ футуристам начала прошлого века. Кого же, как не Вознесенского, возводить на папство?)

Дев обидчик
 Захлопывал балконы, как коробки спичек,
 И прикуривал от соска.

(Токмаков, Токмаков без вариантов!)

Другой писал «Спартак» и «ЦСКА».

(Вижу-вижу Михаила Гундарина, может, все в том же шарфе.)

Ира-корейка
 мелькала, как палочка Караяна,
 со взглядом, настоящим на корне золотом.

(Вот Ирина Цхай вошла в историю русской литературы, еще гораздо ранее своих волшебных детских книжек.)

Коля Бажан, слепнувший красавец, которому только стихи, кажется, помогали выживать, который и прежде посылал свои опусы А.А., а теперь, к счастью, успел его увидеть.

Пой, слепой,
 Надежду, что ты один видел!

Благословляю ваш бунт и понт
 И огоньбородки а ля Бальмонт.

(Это о Саше Брехове, который уже давно обрел свою Шамбалу в Горном Алтае и проводит там, в более аутентичной обстановке, поэтические фестивали.)

В эссе «Минута немолчания» — снова вчерашний дембель, замученный гигантскими дальневосточными махаонами и барнаульскими красотками — «рослый их лидер в белом пиджаке и очках "Джеймс Бонд"» (Владимир Токмаков, естественно).

Боюсь, если бы не моя экстремальная прическа, и не заметил бы меня А.А., и не написал бы:

«Глуховато-спокойно читает Н. Николенкова, статная суриковская боярышня с котиковой стрижкой, будто отросшей после бритья наголо:

Замкнутые системы,
 Бродим по Барнаулу, не совпадая, но рядом».

И, уже в другом эссе: «Для меня суть России не в ее супостатах, а в Тарковском, Заболоцком и юной Николенковой (!?) из Барнаула, выдохнувшей хрустальную строку» — на что поэт Юрий Беликов не преминул ядовито заметить: «Мы тут ничего не выдыхаем — а она выдыхает...»

Андрей Вознесенский, Марина Быкова, Владимир Бережинский (второй слева).
Имена некоторых участников встречи с поэтом неизвестны

Кому как — а для меня именно визит Вознесенского в Барнаул стал главным событием перестройки. Увы и ах, так и не удалось выяснить имени инициатора той поездки. Подпись-приглашение, по словам самого А.А., звучала как «Директор административного бюро Фонда молодежной инициативы г. Барнаула...» Никто не смог вспомнить фамилию местного бизнесмена, по собственной инициативе и за свой счет устроившего нам «пир духа»*.

И знаете, мало того, что на каждой протянутой для автографа книжке писал Андрей Андреевич небанальное: «Наташе — с розой», «Марине — в три часа ночи» (представьте, они еще и интервьюировали его всю ночь, Елена Гаврилова и Марина Кочнева, газета «Молодежь Алтая», а потом и шампанское откупорили!). Так еще и передал позже через организатора поездки только что вышедшую из печати, самую что ни на есть наисвежайшую «Аксиому самоиска».

*По информации Александра Строганова, визит Андрея Вознесенского в Барнаул организовал Юрий Александрович Фисун. — Ред.

Теория шести рукопожатий, говорите? Да мы через одного Вознесенского и с обоими Кеннеди на короткой ноге, и с Жаклин Онассис, и с Бобом Диланом, я уже не говорю о Пастернаке.

Особое спасибо Александру Лапину за фотографии — не смартфонские, а черно-белые, выцветшие, бледные, дорогие. К сожалению, не все попали на эти снимки. Володя Бережинский и Олег Сорокин, так рано ушедшие от нас, зубр местной журналистики (а в те поры — лирический поэт) Сергей Тепляков, Виолетта Метелица, вся — творчество и полет. Наташа Николенко (это та, что с брусничкой). А с розой — я.

Из всей знаменитой четверки — Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина, Вознесенский — именно он кажется мне отчего-то самым счастливым. Может, самым искренним и детским каким-то. Хрущёв публично наорал? Да, страшно было. Жену чужую увел? Да, некрасиво как-то. Но когда ты не то чтобы искатель метафоры, когда ты — откровенный раб метафоры, и не менее того, именно тогда ты — поэт.

Андрею Вознесенскому 12 мая было бы 85. Мы — видели поэта.

Я с детства обожаю овал. Угол любой дурак нарисует. ■